

Коська-Кокос

В Оптиной пустыни красивые кони, и паломники любят фотографировать их, когда они возят сено с лугов или капусту с огорода. Кони действительно прекрасны. Но так уж устроена душа человека, что ярче всего она помнит первую любовь и дорожит своими первыми впечатлениями о жизни. А для меня таким ярким впечатлением был первенец оптинской конюшни — жеребец Коська. Говорят, его привёл из колхоза инок Трофим, убитый сатанистом на Пасху 1993 года. Жеребёнок был болен от бескормицы — живой скелет в коростах парши. Но инок Трофим разбирался в лошадях — до монастыря он работал в племенном хозяйстве,

где выращивали элитных скакунов, — и опознал в убогом жеребёнке породистого коня благородных кровей.

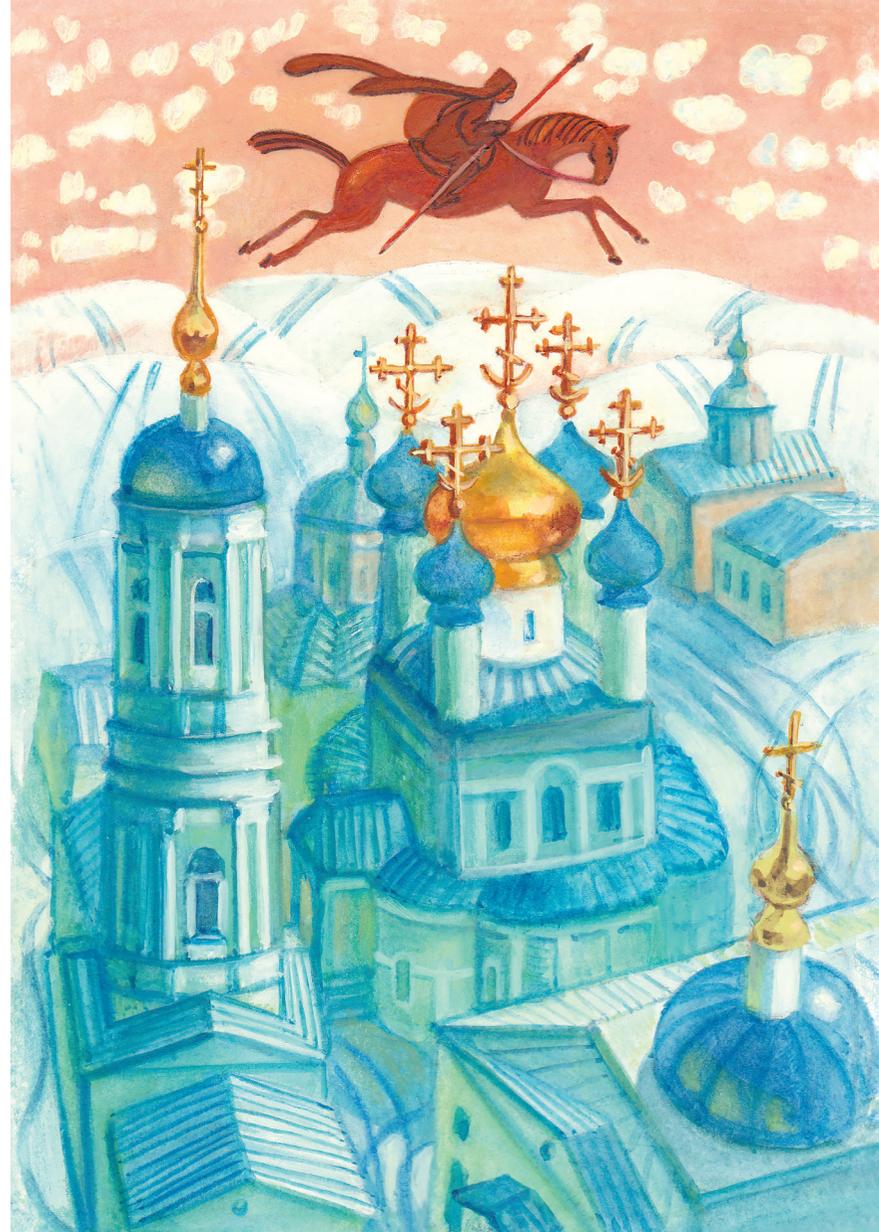
Это было время становления демократии. Колхозы разваливались, и лошадей сдавали на мясо или бросали на произвол судьбы. Жуткое было зрелище — бредущие вдоль шоссе бесхозные кони, отошавшие и не понимающие: почему же люди предали их? Словом, жеребёнка доходягу охотно отдали монастырю. И вырос конь-красавец и общий баловень Коська. Чего только не вытворял хитрюга Коська, когда Трофим объезжал жеребца!

Коська валился на спину, пытаясь сбросить седло, и угрожающе вставал на дыбы, но инок сидел на коне как влитой. Конь был, похоже, рождён для скачек, а потому полюбил их. Бывало, летит Трофим на коне через луг, а мы замороженно смотрим вслед летящему над землёй иноходцу.

Однажды, в день памяти святых мучеников Флора и Лавра, покровителей конницы, я увидела: инок взлетел на коне на холм и замер, высматривая что-то вдаль. Сначала я не узнала Трофима, и в памяти всплыл иной образ — Куликово поле и монах Пересвет, который

сейчас первым ринется в битву за победу Святой Руси. Разумеется, это было всего лишь видение, но навеянное историей дня: именно в день небесных покровителей коней и конницы преподобный Сергей Радонежский благословил на Куликову битву благоверного князя Димитрия Донского, предсказав ему победу. Конь в бою — соучастник победы и даже некий символ её. И на иконах святых мучеников Флора и Лавра доныне рисуют всадников на боевых конях, а не лошадок, тянущих воз. Интересно даже вот что: в день святых мучеников Флора и Лавра у нас по деревням, бывает, устраивают «лошадиные» праздники. Обычай запрещает запрягать в этот день лошадей в телегу или использовать на крестьянских работах, мальчишки скачут на конях верхом, играя в «войнушку» древних времён. К сожалению, мы порой плохо знаем историю, а она окликает нас даже в играх детей.

Словом, Коська был конём иконописной красы и мог бы, наверное, отличиться в битвах. Но всем нам выпала иная участь — трудиться, чтобы восстала из руин разорённая Оптина. Ведь в годы гонений разрушили не только храмы, но и монастырское землепашество с его

тонкой системой ирригации. Лишь старики ещё помнили, как тянулись вдоль Жиздры знаменитые монастырские огороды, где помидоры вызревали в таком изобилии, что их раздавали всем желающим. Теперь на месте былых огородов было дурно пахнущее полуболото. На костромском диалекте такую землю называют «обидище» — от обиды на то, что ни к чему не пригодна эта земля: не пашня, не пастбище и даже не болото, на котором хотя бы клюква растёт. Трактор по «обидищу» не пройдёт — топко. Даже пахарь полуболото не осилит, если это не пахарь-богатырь Трофим и не конь-богатырь Коська. Много лет прошло после убийства инока Трофима, а ярко помнится и поныне, как стоят на ветру инок и Коська...

Трофим долго молится, повернувшись лицом к востоку, а ветер треплет его светлые волосы и взвывает гриву коня. Потом, перекрестившись, он берётся за плуг. А земля такая тяжёлая, что издали кажется — конь и пахарь уже ползком ползут по земле. Коська припадает на колени и сильно тянет шею вперёд, а инок Трофим лежит грудью на плуге, упираясь в землю носками сапог.

Теперь здесь снова растут помидоры, розы, капуста и огурцы. О розах надо сказать особо. Как только в монастыре появилась первая клумба, то обнаружилось: Коська, как барышня, любит цветы. Нет, он их не ел — нюхал. С шумом понюхает одну розу, другую, и в восторге вытопчет всё. Отвадили Коську от клумб просто — ему дарили цветы. Бывало, вернётся инок Трофим с поля и повесит коню на сбрую букет ромашек. А Коська фыркает блаженно и выворачивает шею, нюхая ромашки. Но чаще бывало так: паломницы сплетут венок из полевых цветов, наденут его на голову коню, а Коська тут же замирает у лужи, любуясь своим отражением: ну до чего хорош! Сил нет, как хорош! Так и ходил по монастырю конь, украшенный цветами, и все улыбались ему.

Была у Коськи и другая особенность, из-за которой его запрещалось выпускать в город. Что за особенность, я не знала, пока не испытала её на себе. А дело было так. В ответ на горбачёвский сухой закон, когда из магазинов исчезло спиртное, механизаторы ответили своим законом, установив таксу за вспашку огорода — две бутылки водки. Весенняя вспашка

превратилась теперь в оргию. Один молоденький тракторист упился так, что выпал из кабины под гусеницы своего трактора, и его буквально перемололо. Как же убивалась мать над гробом единственного сына! Но деревню это не отрезвило, такса оставалась прежней — водка. И тогда в монастыре благословили православных не брать греха на душу, расплачиваясь спиртным. Но нет водки — нет вспашки. И мой огород остался не только невспаханым, но и запертым со всех сторон пахотой на огородах соседей. На тракторе теперь к нему было не подъехать, а 25 соток под лопату не поднять.

И тогда в Оптиной благословили инок Иоанна вспахать на лошади мой огород. Погрузили мы в телегу плуг и борону, но только выехали на шоссе, как Коська обиделся на обогнавший его «мерседес». Рванул вперёд и обогнал машину. Тут уже оскорбился хозяин «мерса»: как это деревенский коняшка смеет обгонять его? И началась гонка со смелой лидеров — то Коська вырвется вперёд, то «мерседес». Азарт был такой, что в гонку тут же включились другие машины — огромный «икарус» и букашка «ока». Коська мчался как

вихрь, а нас швыряло по телеге, ударяя о зубья бороны и плуг. На крутом вираже едва не опрокинулись — натерпелись страху сполна.

Победа в гонке досталась, увы, «мерседесу». Зато старики в нашей деревне признали безусловное преимущество коня. Что техника с её бензиновой гарью? После тракторов мертвеет земля — они калечат и плющат почву, а в ней живёт свой полезный народ. Вон дождевых червей почти не стало, а от них плодосит и дышит земля. Нет, после лошадки урожай богаче! И мне понравилось под лошадь картошку сажать. Это быстро и весело — стоим шеренгой вдоль поля с вёдрами картошки, а Коська прокладывает борозду. Теперь не зевай — успевай выкладывать картошку, ибо Коська шагает резво.

Посадили картошку и сели обедать, привязав Коську за кол в саду. Возле яблонь на клумбе цвели тюльпаны, и Коська, выдернув кол, устремился к ним. Выхожу и вижу — пропала клумба. Коська катается на спине по цветнику и дрыгает ногами от избытка блаженства: весна, тюльпаны, восторг, красота! Обозвала я Коську скотиной, отругав заодно и себя: ну кто же привязывает жеребца за колышек?

Да он не то что кол — автомобиль сдёрнет с места, если его привязать к нему.

Жеребец был настолько могучий, что однажды любознательные паломники, возившие на ток зерно, решили испытать его. Погрузили на телегу пятьдесят мешков пшеницы, потом восемьдесят, а Коська легко и играючи их вез! Возможно, Коська и установил бы выдающийся рекорд, но тут появился отец наместник, и затейники мигом прикинулись исихастами, погружёнными в безмолвие и молитву.

Все считали Коську Трофимовым конём, хотя инок был занят на других послушаниях. Но он присматривал за Коськой и в свободную минуту, как говорят лошадики, выезжал его. Оказывается, коню нельзя застаиваться, дрябнуть, жиреть, и, сотворённый Господом для быстрого бега, он ищет всадника и жаждет полёта. Словом, конь и инок дружили. Бывало, инок Трофим ещё только приближается к хоздвору, а Коська уже ржёт призывно, вытягивая шею, а потом ластится к иноку, положив ему голову на плечо. После убийства инока Трофима на Пасху Коська затосковал.

Сначала ржал тревожно в ожидании Трофима, а не дождавшись, стал разносить ко-

нюшню, кроша перегородки и двери в щепу. Коську жалели и подкармливали хлебом. А «жалельщиков» оказалось так много, что через полгода Коська округлился до состояния шара и получил у паломников кличку Кокос.

Как раз в ту пору наша семья переселилась в дом рядом с монастырём. Перед огородом росли яблони — на тракторе было не подыхать, и приходилось лопатой копать. Начали мы копать, да обессилели и решили просить помощи в монастыре. Послушание на конюшне нёс тогда инок Макарий, ныне иеродиакон Филарет. До монастыря он был скульптором, работал по камню и был сильным, как каменотёс. Пожаловалась я сильному отцу Макарию на своё бессилие, а он загорелся и предложил:

— Да я сейчас же возьму благословение и на коне огород распашу.

Распахал, но как! Возвращаюсь домой, а там соседи веселятся, как в цирке, наблюдая невиданное доселе зрелище: по огороду зигзагами скачет Коська, а следом с плугом какими-то дикими, дёргаными прыжками скачет инок Макарий. Силушка у коня и скульптора немалая, и выворотили землю так, что огород

теперь напоминал место археологических раскопок — ямы, буераки и метровые отвалы земли.

— Макарий, — говорю, — что ты наделал?

— Как что? Вспахал. Мы с Кокосом очень старались.

В общем, пахал тогда наш скульптор впервые, но потом, говорят, научился пахать. А соседи, повеселившись, принялись за дело — Николай принёс борону, а бабушка Ольга повела коня под уздцы. И был огород у нас уже пригожий. Слава Богу, что лошадку послал!

* * *

Долгие годы трудился Коська в монастыре, а потом состарился и стал болеть. Ветеринар, осмотрев Коську, вынес вердикт: надо сдать «старика» на мясо, тем более что для производства сервелата требуется конина.

— Я тоже старый, — сказал отец наместник. — И меня, выходит, на сервелат?

Коську отправили было на пенсию, но его выпросил у монастыря многодетный отец, пояснив, что работы для лошади в его хозяйстве немного, да вот сынишки мечтают о коне. Словом, Коська опять осёдлан, и мальчишки

двадцать первого века подражают воинам Древней Руси.

Однажды в метельную, снежную зиму ко мне приехали на джипе гости из Москвы. Помолились в Оптиной, причастились. А потом захотели съездить в Ильинское, знаменитое своей красотой: белый храм на горе, необъятная даль, а под горой святой источник, известный своей целебной водой. Уехали засветло, а вернулись в сумерки, рассказав, что из-за заносов в Ильинское не пробиться, и они угодили в такие сугробы, что с трудом откопали свой джип. Делать нечего, не повезло. Сели ужинать, а тут приехали гости из Ильинского.

— Да как же, — удивились москвичи, — вы смогли приехать из Ильинского?

— А нас на санях Коська привёз.

Да, лошадка всё же незаменима.

Про муравья

С^тоят два маленьких братика в храме и видят — по полу ползёт муравей. Младший брат, пятилетний Витя, задумался, припоминая: собакам в церковь заходить нельзя. И муравьям, наверное, нельзя? Хотел убить муравья, замахнулся, но старший брат, шестилетний Ванечка, остановил его:

— Что ты делаешь? Ты разве не понял — муравей к Богу пришёл!

